

Олег Губарь

Функции Одесского строительного комитета

в контексте истории градостроительства

Одессы*

Озеленение

Выше мы уже касались устройства садоводческих заведений в окрестностях города в конце XVIII века, в том числе в бортах Водяной балки. Поэтому в этом разделе мы в большей степени коснемся озеленения центральной части города и в общих чертах – устройства ботанического сада.

История рассадки деревьев на главных улицах, безусловно, связана с именем герцога де Ришелье, причем основным реализующим инструментом для него служил опять-таки Строительный комитет, через который принимались все решения, осуществлялись торги по сдаче в подряд, финансирование и контроль исполнения. Сюжет передачи городу сада Феликса де Рибаса также рассмотрен в предыдущем разделе. Здесь уточним только, что это событие послужило дополнительным стимулом к озеленению города. История Дюковского сада в свое время описана на основе архивных материалов профессором Императорского Новороссийского университета В.К. Надлером¹.

1 ноября 1806 г. ОСК принимает решение о выплате за купленные Ришелье 3.000 тополей «для рассадки в городе, ценою по 25 копеек» управляющему именем графа Потоцкого дворянину Рапацкому из портовой суммы 750 рублей, «и за доставкую половины оных – шестнадцать рублей». Итого 766 рублей². Тогда же, поздней осенью 1806 г., деревья были рассажены шляхтичем Микитинским, которому 10 декабря выплатили за работу 127 руб-

* Продолжение. Начало в кн. 35-41, 43, 45-47.

лей из портовой суммы³. К слову, в тот же день Комитет слушал предложение Ришелье «о принятии в целостное соблюдение» сада Феликса де Рибаса⁴.

Как видно из городского плана Ф. Фраполли 1807 г.⁵, деревья были рассажены в пределах, ограниченных улицами Преображенской, Успенской, Ланжероновской и Польской. Кроме того, охвачена вся четная сторона Преображенской от сада де Рибаса до самого приморского обрыва (вплоть до находившегося на склоне недостроенного и обветшавшего Морского госпиталя), Малый переулок, часть Гаванной – от этого переулка до Ланжероновской, квартал Ремесленной – меж Троицкой и Успенской. Особое внимание уделялось Александровскому проспекту – как главному в то время коммерческому центру. Деревья рассадили в два ряда параллельно каждому из четырех отделений одноименной площади, в центре которой устроили овальный газон с палисадом. Далее, на протяжении четырех кварталов проспекта, деревья высаживались в один ряд (всего восемь рядов), причем возле Гостиных (Красных) рядов зеленые насаждения в 1809 г. окружили палисадами «для сбережения посаженных там на три отделения деревьев»⁶.

Продолжилось обустройство сада де Рибаса. 15 марта 1809 г. Ришелье повелел отпустить «ученому форштмейстеру (то есть садоводу. – О. Г.) Шульцу на покупку деревьев в Городовой сад трехсот рублей»⁷. 29 апреля «иностранец Юзеф Курио» предъясняет в ОСК расписку «смотрителя при Городовом саде Савоини», принявшем у него для сада 150 тополей ценою по 1 рублю. Комитет определил сполна рассчитаться с означенным Курио⁸.

Еще одним «садовым местом» были склоны Карантинной балки, примыкавшие к Польской улице. Об этом тоже шла речь выше, в разделе об отводе мест под застройку. Участки под сады отводились обычно домовладельцам смежных мест, но с тем чтобы никакого строения, кроме шалаша для сторожа, в здешних садовых заведениях не было. В 1800-1810-е годы места эти нередко переходили из рук в руки⁹.

12 января 1812 г. по заявке герцога де Ришелье в ОСК командировали из Санкт-Петербурга высокопрофессионального садовника Ганса Германа. Главная его задача заключалась в устройстве

в Одессе собственной городской плантации для рращения различных деревьев и кустарников, которые бы затем использовались в озеленении города. В журнале заседаний ОСК от 3 июня 1812 г. определено отпустить садовнику Гансу Герману, условившемуся с Комитетом «сделать в городе Одессе разные плантации», 500 рублей из портовой суммы¹⁰.

4 июля 1812 г. ему как «садовому мастеру» назначают жалованье 1.200 рублей в год. Сверх того Герман имеет право на получение квартирных денег, дров и свечей, на что ему уже отпущено из Комитета 500 рублей. На этот раз ему выдают еще 200 рублей в счет жалованья, которое далее станут отпускать по третям года, как и всем чиновникам¹¹. 15 июля ОСК определяет финансировать Герману содержание ученика из детей немецких колонистов (220 рублей 50 копеек в год), приступившего к своим занятиям 26 мая¹². 8 августа 1812 г. ОСК постановляет отвести садовнику Гансу Герману место, где удобно будет, под школу, оранжереи, парники, мерою 266 на 50 саженей¹³.

Устройство плантации затормозилось по причине чумной эпидемии, однако в следующем году продолжилось. Архивные материалы донесли информацию даже о таких мелких деталях, как, скажем, покупка Германом у купца Авчинникова ста железных лопат по 1 рублю 25 копеек за штуку, «к работам в новой сад»¹⁴. Конечный итог устройства городской плантации отлично виден на планах города разных лет¹⁵. Плантация охватывала значительный участок за Старопортофранковской улицей, меж нынешними улицами Градоначальницкой и Пишионовской, включая территории нынешней Морской и Строительной академий, до самых отрогов Водяной балки (то есть правее Градоначальницкой, если следовать из города).

С середины 1810-х годов немалые участки на той же Молдавской слободке специально под садовые заведения отводились очень активно, разумеется, в окрестностях Водяной балки. Так, например, в апреле-мае 1816 г. таких участков под сады было роздано очень много, в том числе неизвестному одесскому мещанину Константину Булгарову¹⁶. Отводы продолжились летом и осенью того же года¹⁷. Еще в 1814 г. были полностью выполнены условия по устройству садовых заведений такими фигуран-

тами локальной истории, как графиня Потоцкая и коллежский секретарь Серединский. Последний высадил более 2.500 фруктовых деревьев, а первая руками знаменитого впоследствии садовода Чижевича освоила 50 десятин городского выгона. Тогда же участок под садовое заведение в другом районе получил и сам отставной ротмистр Чижевич, во уважение его успехов в садоводстве¹⁸. Еще раньше, весной 1813 г., упоминается как уже обустроенный сад графа Разумовского¹⁹.

Что касается устройства казенного ботанического сада, оно прослеживается по архивным материалам довольно отчетливо, нередко в мельчайших деталях. Например, одна из таких «вкусных мелочей» заключается в том, что для заведения сада было предположено использовать участки земли, которые 4 декабря 1818 г. отдали в ведение аббату Николю и профессорам Ришельевского лицея, а те их возвратили Комитету через два месяца. В журнале ОСК от 3 февраля 1819 г. находим разъяснение означенному шагу лицея. Фиксируется: ботаник Десмет уже прибыл из Франции. Определяется: назначить его для заведования будущим садом, межевание поручить архитектору Дигби, земли отвести столько, «сколько позволит местоположение»²⁰.

2 июня 1819 г. Комитет анализирует создавшуюся ситуацию. В Одессе, по сути дела, сформированы две дублирующие друг друга структуры: городская плантация и ботанический сад. Что делать? Первую в перспективе ликвидировать, садовода Германа с сохранением жалованья оставить при публичном саде, а его учеников перевести к профессору Десмету. Все деревья перенести с плантации в ботанический сад «в свое время, то есть осенью нынешнего года». При городской плантации оставить одного сторожа²¹. Впрочем, как мы увидим ниже, городская плантация тогда так и не была ликвидирована.

Приведем еще некоторые любопытные подробности. 18 декабря в ОСК обсуждаются результаты вояжа Десмета в Крым. Он побывал в Никитском ботаническом саду, где назначил вырыть и доставить в Одессу 20 тысяч деревьев различного сорта. Директор тамошнего сада статский советник Стевен затребовал вперед 500 рублей за выемку деревьев. Граф Ланжерон санкционирует отправку просимых денег в Симферополь, выделив оные из пор-

товой суммы²². Таким же образом по архивным материалам можно составить в деталях всю дальнейшую биографию одесского ботанического сада.

Немалый интерес во всех отношениях представляет одно из дел 59-го фонда, посвященное формированию специальной садовой комиссии. 6 февраля 1831 г. из управления новороссийского и бессарабского генерал-губернатора поступило отношение на имя одесского градоначальника следующего содержания. «Обращая внимание на разные общественные в Одессе заведения, я, между прочим, нашел, что заведенный у предместья Молдаванки городской сад (то есть городская плантация. – О. Г.), существуя с довольно давнего времени и стоя городу весьма значительных издержек, не соответствует тому ожиданию начальства, которое было поводом к заведению сего сада. А потому дабы с одной стороны усугубить способы к достижению предположенной при таковых учреждениях цели, а с другой сделать потребные на содержание как сего сада, так и находящихся внутри города, а также казенного сада, внутренних и внешнего бульвара, издержки определительные и соответственные предмету, я признал необходимым составить особую комиссию, которая занялась бы тщательным обозрением сих заведений, потом поверкою приходных и расходных книг о суммах, употребленных до сего времени на содержание оных, удостоверением в правильном расходовании оных, изысканием способов к уменьшению расходов и сделании оных действительно полезными, а также открытием средства к улучшению сих заведений. Комиссию сию я полагаю составить под председательством гвардии полковника Русанова, из отставного гвардии штаб-ротмистра Хорвата, одного из членов Строительного комитета и одного из членов Городской думы. В нужных случаях Комиссия сможет приглашать для совещания опытных здешних садоводцев: гг. Кеппена, Аргузина, Чижевича, Рубо, Томилина, Шмидта, Ростовцева, Гогеля, Кольберга и других, кои советы могут быть полезны для городского садоводства»²³.

Здесь же – доклад об издержках на содержание садов и бульваров за 1830 год. В числе расходов: жалованье садовнику Герману, четверым рабочим при плантации, сторожам в садах и по бульварам, деньги на содержание пятерых учеников, оплата поден-

щикам, на инструменты, материалы и за рассадку деревьев и др. Итого 8.938 рублей 60 копеек²⁴.

21 июля 1831 г. Комиссия доложила исправляющему должность одесского градоначальника результаты освидетельствования Городового сада и того, «что близ Института» (то есть городской плантации), бульваров вокруг города и работ, произведенных садовником Германом. Что касается Императорского Ботанического сада, «то комиссия обратилась к г-ну Десмету с требованием пояснения работ, произведенных им в означенном саду в 1830 г., дабы иметь основательные соображения»²⁵. 9 июля Комиссия пишет о том, что оценить проделанную работу – планировку, рытье ям и прочее – весьма затруднительно. Как принято говорить, деньги зарыты в землю. Здесь же еще одно любопытное ироническое наблюдение ревизоров: мол, местные частные садовые заведения вообще куда лучше казенных. Между прочим, таким отменно устроенным приватным заведением владел и сам казенный садовник Герман²⁶.

10 июля того же года Комиссия запрашивает у ОСК планы всех городских садов и бульваров. 5 августа она информирует Комитет о состоянии дел в Ботаническом саду. Согласно амбарной книге Десмета, израсходовано 5.783 рубля 32 копейки. На что истрачены сии деньги, он не отчитался, а содержание сада при этом худое. То есть расходы, по мнению членов Комиссии, явно завышены²⁷.

В докладе Комиссии исправляющему должность генерал-губернатора тайному советнику Ф.П. Палену от 6 августа 1831 г. находим более детальную информацию. В качестве предисловия – уже известный тезис: по давности произведенных работ оценить их с точностью невозможно. 1) Ботанический сад содержится дурно по всем статьям. 2) «Кроме некоторых главных аллей, которые не весьма хорошо вычищены, все прочие части сада в совершенном запустении и без надлежащего присмотра. Пространство 12 десятин земли, засаженное 28.000 дерев при градоначальнике Гурьеве, остается без всякого внимания». Однако Десмет этой частью сада не заведует, полагая, что на нее должны быть особые ассигнования. 3) «Школы фруктовых деревьев вовсе не значительны, в большом небрежении, заросли бурьяном».

4) «Вместо семи пар волов, которые должны находиться при заведении, Комиссия нашла только пять пар, но и сие количество волов вовсе не нужно», поскольку предположения пахать «для посадки школ еще не производились». 5) Израсходованные на поденщиков 5.783 рублей 32 копейки не подтверждаются никакими значительными работами 1830 г. 6) и 7) Речь идет о поденщиках, ряд которых фактически находится «в услужении г-на Десмета, а именно: Василий – кучером, Мартин – закупает провизию, а Фридрих Плантау работает в собственном саду Десмета и употребляется для разных услуг». Комиссия считает расходы завышенными. Следуют и другие замечания, в том числе: «В Ботаническом саду не имеется воспитанников»²⁸. Картинка, которая заставляет глядеть на почтенного садовода чуть более трезво, нежели вошло в привычку. Формально он оставался директором сада до самой своей смерти в 1839 г., однако фактически управляющим с 1834 г. был профессор А.Д. Нордман²⁹.

Далее берутся за садовника Германа, но этот, судя по всему, исправен и добросовестен. 1 сентября ОСК пишет, что в ноябре ему предписывалось рыть ямы глубиной в 1^{1/2} аршин по Ришельевской и высаживать тополя, на городской плантации не разводить виноградных кустов, а только деревья, и кроме того, надзирать за садами и бульварами. Герман показывает расход за перевозку и посадку каждого дерева по 50 копеек, а кустарника – по 22 копейки. Здесь же – тетрадь, выданная Герману для записи средств, отпускаемых для рассадки деревьев по улицам Ришельевской, Дерибасовой и Ланжероновской взамен усохших. Тетрадь пуста: следовательно, в текущем году не высаживал. Зато приходно-расходная книга за тот же год пестрит расписками сторожей, поденщиков, садовых учеников, в том числе на польском и немецком языках. Причем видно, какие именно работы производились в «саду, подаренном городу господином полковником Стемпковским» (то есть в Дюковском), на плац-парадном месте (территория будущего Пале-Рояля), на Александровском проспекте, на «бульваре над морем» (то есть Приморском), в Городском саду и др. В январе 1832 г. Герману даже возвращают сделанный им из собственного кармана перерасход в 408 рублей 15 копеек³⁰. 18 (30) октября 1831 года А.И. Лёвшин пишет М.С. Ворон-

цову: «Плантацию Германа как ненужную мы продаем за исключением одной четверти, оставляемой для институтского сада»³¹. Речь идет о саде Института благородных девиц.

В предыдущем разделе уже говорилось о рассадке деревьев вдоль шоссе, которые сооружались в 1820-е годы по Херсонской, Ришельевской, Дерибасовской и другим улицам. В журналах Строительного комитета тех же лет можно отыскать исчерпывающую информацию относительно озеленения будущего Приморского бульвара, начиная с утверждения плана и сметы, составленных Шарлем Потье в 1822 г. В фонде ОСК имеются и дела, касающиеся устройства так называемых Лёвшинских плантаций, то есть зеленых массивов на Пересыпи – порядка 250 десятин(!), созданных по инициативе одесского градоначальника, действительного статского советника А.И. Лёвшина в 1830-е годы³². Однако этот сюжет не содержит особых секретов, ибо неоднократно описан в литературе³³. Другое дело, что карты, схемы, планы этих и других городских плантаций (как вообще громадный массив планов и чертежей), в 1920-е годы вырванные из фонда ОСК для музея «Старая Одесса», нынче частично хранятся в фондах Одесского государственного историко-краеведческого музея³⁴. Городские сады и плантации полностью представлены на генеральном плане города 1835 г.³⁵. Регулярное устройство Александровского парка выходит за хронологические рамки деятельности Строительного комитета.

Примечания

¹ Надлер В.К. К истории Дюковского сада. – Одесса, 1892; Надлер В.К. Одесса в первые эпохи ее существования. – Одесса, 1893. – С. 72.

² ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 155.

³ Там же, л. 266.

⁴ Там же, л. 279.

⁵ ОГИКМ, инв. № К-602.

⁶ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 138.

⁷ Там же, л. 178.

⁸ Там же, л. 277.

- ⁹ См., например: Там же, д. 262, л. 230.
- ¹⁰ Там же, д. 264, л. 7.
- ¹¹ Там же, л. 149.
- ¹² Там же, л. 188.
- ¹³ Там же, л. 283.
- ¹⁴ Там же, д. 266, л. 291.
- ¹⁵ ОГИКМ, инв. № 563, 605 и др.
- ¹⁶ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 96.
- ¹⁷ Там же, л. 434, 462.
- ¹⁸ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 148-149, 335, 343.
- ¹⁹ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 75, л. 46-47.
- ²⁰ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 275, л. 101.
- ²¹ Там же, л. 462-463.
- ²² Там же, д. 276, л. 467.
- ²³ Там же, ф. 59, оп. 2, д. 258, л. 1-2.
- ²⁴ Там же, л. 3.
- ²⁵ Там же, л. 10-11.
- ²⁶ Там же, л. 14-15.
- ²⁷ Там же, л. 16, 18.
- ²⁸ Там же, л. 20-23.
- ²⁹ Одесса, 1794-1894. – С. 336.
- ³⁰ ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 258, л. 28, 29, 32, 32-35, 38-89, 92-101, 105, 145-146.
- ³¹ Архив князя Воронцова. – Кн. XXXIX, М., 1893, с. 22.
- ³² См., например: Там же, оп. 1, д. 1796 (от 30 сентября 1833 года). – 128 л.
- ³³ Одесса, 1794-1894. – С. 337-338; Коханский В. Одесса за 100 лет: Исторический очерк. – Одесса, 1894. – С. 114 и др.
- ³⁴ ОГИКМ, инв. № К-551, К-575, К-584, К-612 и др.
- ³⁵ Там же, инв. № К-608; Ведомость к литографированному плану одесской городской земли от 31 декабря 1834 года.

